

Александр Ромашков

Стратегия Свободы

Александр Ромашков
Стратегия Свободы:
Исходный Мир III.I
Серия «Стратегия», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6742782

Стратегия Свободы: Исходный Мир III.I: Издать Книгу; Москва; 2014

Аннотация

Первая книга серии "Стратегия" знакомит нас с молодым человеком, проживающим свою серую, скучную жизнь в подмосковном городе, с его современными реалиями и угнетающей повседневностью. Но однажды, ему предоставляется шанс все изменить. Неожиданная встреча с девушкой, притягивающей к себе как магнит и манящей за собой в далёкие путешествия, заставляет критично взглянуть на свою жизнь и многое переоценить.

На что пойдёте Вы ради избавления от рутины? Сможете ли бросить все ради следования своим желаниям? Так ли плоха наша повседневность, и стоит ли свеч игра, открыто заявляющая об опасности, и о ярких приключениях? Игра, перечёркивающая все Ваше прошлое ради будущего, оставляющая позади все, чего Вы успели достигнуть в этой жизни.

Насколько уместно исполнение детской фантастической мечты, когда Вы находитесь аккурат посреди кризиса среднего возраста, обуреваемый неразделённой любовью и проблемами поиска себя в угрюмом обществе.

В жизни каждого из нас есть только два пути: смириться с тем, что мы имеем сегодня, либо взять на себя ответственность за изменение своей жизни к лучшему.

Хватит ли у Вас смелости, чтобы бросить все и окунуться в неожиданную авантюру? Хватит ли у Вас смелости, чтобы обрести Свободу?

Содержание

Пролог	5
Глава I	10
Глава II	15
Глава III	21
Глава IV	27
Глава V	32
Глава VI	37
Глава VII	43
Глава VIII	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Александр Ромашков

Стратегия Свободы:

Исходный Мир III.I

Книга посвящается Екатерине Промзелевой.

*С твоим мимолетным появлением в моей жизни,
мир для меня уже
никогда не станет прежним.*

*Я всегда буду благодарен тебе, что ты есть на
этом свете, мой Генерал.*

Пролог

— Саш, я скорую вызвала. — Матушка нерешительно вошла в комнату, будто ее действия или неосторожные шаги могли сделать мне хуже.

— К утру будут, — я скривил улыбку, пытаясь показать, что все нормально. — Пушкино.

— Болит? — мама взглянула на руку. Она очень любит нас с сестрой.

Всегда помогает нам решить проблемы. Иногда кажется, что меня это здорово расслабило. Когда случается что-то подобное, она всегда делает вид, что ей больнее, будто это должно как-то утешать. Наигранная защитная реакция. Но

внимание дороже. Гораздо.

– Да так...болит, – кисть распухла до размеров кулака и больно пульсировала. Воображение дорисовывало виднеющуюся под кожей сломанную кость. Вывих. Скорее всего.

– Как тебя угораздило-то, ты же в Москву поехал?

– Да вот вернулся. Поехали с Женьком в бассейн. Поскользнулся.

– Упал?

– Мам! Да, конечно, упал, – повысил голос. – Было больно, да еще вопросы такие.

– Ну не хочешь говорить, не надо, – растерялась и обиделась. Села на табурет рядом с кроватью.

– Ну а как еще? – неловко помолчали. – Грохоту было, – мама тоскливо улыбнулась.

– Как вы в такую метель до дома-то добрались? Женька за руль сел?

– Да нет у него прав. Сам доехал. Скулил да ехал, как. Женька тебя позвал и на такси уехал, ему по работе надо. СМС вот прислал, беспокоится.

– Прослушивание как? – будто между делом спросила она после паузы.

– Никак. Провалил. – Я почему-то посмотрел на тусклую люстру. Ее желтый больной свет очень удачно дополнял события сегодняшнего дня. Даже последних лет.

– Как это? – мне нравится, как иногда у женщин смена темы блокирует предыдущую. Нетуже ни боли, ни вывиха

этого. Или перелома.

– Да так. Не понравился. Не показывают по второму каналу несмешных толстячков. Смешных показывают. Много, – рука начинала болеть все сильнее.

Звонок домофона прервал наш неказистый разговор. Скорая. Иногда бывает вовремя.

Суровый врач и блондиночка-практикантка. «Где пациент?», «Где руки помыть?», «Сейчас посмотрим», «Тут больно? А тут?». Больно было везде.

– Виктор Анатольевич, похоже, кисть выбита, растяжение, – девушка с видом школьницы на экзамене, дающей неопределенный ответ, посмотрела на Виктора Анатольевича.

– Значится, коли обезболивающее, вставляй обратно и бинтом ему обмотай, – сипло пробулькал Виктор Анатольевич. Матушка, сидевшая в дальнем конце комнаты, в ужасе изогнула брови. Практикантка тоже. Открыв чемоданчик, она откопала две каких-то ампулы, набрала в шприц жидкости. Нахмурила бровки, оценивая пропорции. Красивая. Года двадцать два – двадцать три. Сейчас она мне устроит.

– Да что ты там возишься? – экзаменатор не выдержал на третьей попытке девушки попасть в нужное место. Рука уже посинела. Мне было больно, неловко и я был в шоке. – Давай сюда.

Багровое лицо и густые рыжие усы Виктора Анатолье-

вича склонились над моей жалкой конечностью. В нос ударил резкий запах пота и перегара. Девятое марта. Еще вчера практикантку поздравляли и желали счастья, здоровья, любви и улыбок под звон мензурок со спиртом. Но сегодня она опять мажет иглой, и вот даже успел поплыть обильный макияж под глазами. Не спору, однажды она может стать отличным медиком. Но почему, черт возьми, не «Экономика» или «Бухучет»?

Хрустнул сустав. Тугая повязка. «До свадьбы заживет!». Скорая уехала, оставляя запах перегара, медикаментов и лужу уличной слякоти на ковре.

Я искренне благодарен нашей бесплатной медицине. Советские врачи в израненное постсоветское время имеют свою специфику, но делают свою работу точно, профессионально и быстро. Страшнее за будущее.

– Перекусишь? – матушка подошла к кровати с чувством выполненного долга, будто приезд скорой помощи – самое страшное, что должно было произойти, но все уже позади.

– Нет, мам, спасибо. Полежу. Можешь кошку принести?

Селина потопталась в ногах, громко замурыкала и легла на грудь.

Кошке было глубоко на все наплевать, приезд врачей она спокойно пережила в соседней квартире у родителей. У нее всегда было все просто. Не надо думать, как заработать се-

бе на корм, на дом, как не подорвать ожидания близких, что есть добро, а что зло, как жить по чести и не потерять себя, даже как найти себе симпатичного котика, стерилизованной кошечке не надо было думать. Сон и поглаживание по животу. Никогда не завидовал.

Мне действительно интересно преодолевать проблемы, пусть выдуманные, все в этом мире выдуманное. Пусть многие проблемы обходили меня стороной. Кого-то стороной обходят проблемы как у меня. И жалко только, что не получается, как во французских романтических комедиях – в конце все хорошо.

И жалко, что в фильмах герой, израненный крупнокалиберным пулеметом, с ножом под лопаткой и сломанной ногой, победоносно выносит любимую из горящего дома, и в следующей сцене они уже целуются на филиппинском пляже, а в жизни выбитая кисть делает из тебя беспомощного, содрогающегося от боли калеку с реабилитацией в две недели.

Я уснул, предвкушая очередную партию красивых и, как всегда, неожиданных снов о потерянной любви, и новый день, полный бессмысленных раздумий, что пошло не так, как жить дальше и как стать лучше.

Глава I

Лес. Когда был маленький, знал тут каждое дерево. Сейчас зима, и снег белыми хлопьями медленно опускается на занесенные тропы. Лыжи. Не понимаю, почему я на лыжах, плохие воспоминания – зимние уроки физкультуры, езда на лыжах по лесу после захода солнца. Никогда не любил лыжи. Я всегда был последним. Одиноким. Да и со спортом меня мало что связывало. Разве что недавно закрытый, сраженный убытками и тоской спортивный зал, моя попытка выровнять жизнь, сделать что-то для людей. Еще одни плохие воспоминания. Этой стране не нужны спортзалы. Пиво, табак. Хотя налоги, запреты... не пойму, что вообще нужно людям этой страны.

Лес. Мимо пролетает, размахивая лыжными палками, мой друг Макс. В голубых атласных лосинах. Он чему-то сильно радуется, рыжая скандинавская борода трепещет от потока воздуха, глаза под лыжной маской горят огнем счастья, а его раскатистый смех потомственного варвара еще какое-то время тревожит тишину зимнего леса. Бесконечно странное видение.

Она. С подругой Аней, которая веселым матом, неугомонной птичкой что-то рассказывает. Становится темно. Мы стоим втроем, рядом. Ее подруга протягивает ко мне руки, чтобы согреться, но Она берет мою ладонь первой. Будто бы

ревнует. В шутку, не по-настоящему. По-настоящему ей дела нет. Отпускает ладонь и широко улыбается. И вот я уже грею руки их обеих. Ледяные. Так что больно. Начинаю согревать дыханием. Нет больше никакой подруги, есть я и Она, и вокруг темнота. И только где-то вдалеке потрескивает костер.

– Жжж-Жжж. – Она ласково смотрит мне в глаза. – Жжж-Жжж...

Жжж-Жжж.

– Мдэ?

– Алло! Спишь что ли?

– Мдаххх...

– Ща, зайду...

Звонок в дверь. Кофта, тренировочные. Пальцы перебинтованной руки еле шевелятся. Открываю дверь. Он. Антон.

– Как ты руку-то сломал? – безалаберное чудовище с добрейшими глазами и абсолютно разнузданными манерами поведения засунуло невытую кудрявую голову в мой холодильник. – Кофе есть?

– В бассейне поскользнулся. Кисть выбил, – я грузно сел на диван в кухне и потер здоровой рукой глаза. – Я тебя знаю больше двадцати лет, а ты знаешь, где кофе... мне тоже сделай. Сколько времени?

– В бассейне? Хах, класс! И чо прям жиром своим упал?

Так, пхклык, да?!

– Придурок! – я улыбнулся. Этому верзиле было позволено очень многое. Мне в ответ – тоже.

– А чо ты ржешь-то тогда, раз я придурок? Сахар, где сахар? Починили руку-то вчера? Снимок сделал? Нет? Надо сделать.

Когда попробуешь хорошего кофе, а именно действительно хорошего, сделанного хорошим человеком, при хорошей кофеварке, обратно к жестяной банке Нескафе возвращаться уже не хочется. Черная жижа в моей кружке – вынужденная утренняя мера. Со многим так. С машинами, с женщинами, с жизнью. И если сесть в машину похуже – ничего вроде особенного, мол, времена разные бывают, то жить с женщиной похуже, чем любимая ранее – это из рук вон. Намеренно жить хуже, чем жил – вообще абсурд.

Три часа дня.

– А ты чего так долго спишь-то? – Антон любит задавать вопросы спонтанно с невинностью младенца.

– Да вот руки грел в лесу. Приснилась снова.

– Кто-а-это-о-господи. В прошлый раз ты ее чемоданы таскал! – смеясь, он закашлялся. Всегда так делает, когда хочет подчеркнуть особенную комичность обстоятельств.

– Да. А еще как-то раз Она была учительницей в черно-белом сне, а ее пятилетняя дочь меня цветными карандашами рисовала.

– О-ох – Сашка – Сашка. Сколько лет-то уже прошло? Два года, три?

– Не помню. Два вроде.

– И сколько еще?

– Или три?

– Бабу себе найди уже. Тридцатник ведь, эх! На плечах-то! Старичок!

– Ты вот сам в квадратную дырку треугольный кубик вставь! – не нравятся мне эти разговоры. Сам знаю, что давно пора что-то делать, но эти неожиданные сны всегда все портят. Раз в два-три месяца.

– Где ты мутантов находишь, дырка у него квадратная? – как ни крути, а это как с кофе. – Сань, Сань, представь, ты находишь женщину и-де-альную, прям вот ну и-де-альную. Но она раз в месяц, ночью, неизвестно в какое число кричит: «А, А, А!» три раза! – он посмотрел на потолок, что-то подсчитывая. – Девять раз получается! Ты что делать будешь?

– Антон, тебе домой не пора?

– Ну, правда! – настаивает. Будто прям не в шутку настаивает. От несерьезности ситуации у меня на лице расплывается улыбка. – Ну, Сань!

– Ну, чо, чо, глаза раздеру, и буду орать вместе с ней, чо, не расходиться же с идеальной-то.

– Ну, тогда не все потеряно.

– Что ты там за выводы сделал?

– Ну не лицемер значит. Но надо ставки поднять. Вот

представь, приходит к тебе Гитлер и голосом Льва Лещенко говорит: «Поцелуйте же меня, Александер, я дам вам миллион рублей!» Поцелуешь?

Я всегда смеюсь и бешусь на такие его шутки. Мертвого из могилы достанет. Но такой уж друг. Важные вещи он говорит редко, но напрямик и открыто. Впрочем, чаще всего он балбес. Дорогой и близкий мне балбес. Мы одноклассники. Поколение неудачников, вечно летающих в облаках, выросших в девяностые на руинах сильной, строгой, но доброй державы. Выпуск школы 2000. Сейчас кто-то из сверстников спился, кто-то сел в тюрьму, кого-то уже нет в живых. А мы с Антоном все детство проиграли в только-только появившиеся компьютерные игры, вследствие чего являемся довольно умными благородными бестолочками, бездейственными наблюдателями за всеобщим стремлением зарабатывать деньги.

Четыре часа двадцать три минуты. Вконтакте. Фейсбук. Два сайта знакомств с нестерпимо холодными и чужими лицами. Яндекс пробки – 7 баллов. К черту. Кино, кальян, кофе.

Глава II

– Я скажу тебе, чего я хочу! Я хочу Ее! Всю! Видеть, слышать, прикасаться! Я хочу Ее красивую жизнь, чтобы ни в чем не нуждалась, улыбалась при виде меня и была счастлива! Хочу дом возле океана!

Хочу не думать, на что купить ту или иную новую вещь! Хочу выглядеть, как Брэд Пит, хочу путешествовать, хочу восстанавливать справедливость, где это возможно! Действовать хочу! Под водой, в воздухе, на земле! И чтобы рядом верные друзья были! – практически на одном дыхании выпалил я, будто учил всю ночь. Мои глаза, полные ярости, смотрели глубоко в зрачки собеседника, сжигая все внутри. Он также пристально и зло смотрел на меня. Выслушал. Фыркнул. Я злился на него. Он на меня. Оба внезапно успокоились. Окинули друг друга рассеянным взглядом.

– Умойся и зубы почисть, – устало проговорило зеркало. Так уж оно устроено. – Придурок.

– Ну, когда к нам зайдешь уже? Мы второго кота взяли! Кошечку! Мейн-кун! – Утро в квартире родителей – место встречи блудных отпрысков. Анюта живет в соседнем доме, но, как и до многих моих друзей, дойти до нее мне удастся редко.

– Боже мой, ну куда тебе столько?! Не знаю, Анют, может, вечером зайду, суши закажем, – я говорю это постоянно. А в

итоге не навещаю сестру месяцами. Я люблю свою семью, но у меня все не как у людей. Меня вечно ждут где-то в гости, у меня всегда куча планов, идей и стремлений, но внутренняя тоска всегда оставляет меня дома и предпочтение отдается друзьям, которые сами приходят в мой дом, проигрывают мне в карты, вытаскивают меня в кино, на прогулку. Золотые люди. В отличие от меня моя сестра – пример семейного уюта. После развода нашла себе мужа в компьютерной игре, из другой страны, осела дома, ведет хозяйство, отменно готовит, помнит все праздники, даже работает по Интернету.

– Как у тебя жизнь-то? Рука зажила?

– Да по-старому все. Работаю, отдыхаю и мечтаю куда-нибудь свалить, – допил чай. – Рука? Вчера бинты снял. Ничего особенного.

– Куда свалить-то собрался? – у нее двое маленьких детей и она готовится стать мамой в третий раз – Выполняет план за нас двоих, поэтому она чаще всего разговаривает со всеми как с малышами. Это забавляет. И мешает отвечать откровенно.

– Не знаю, куда-нибудь. Чтобы ни одного знакомого лица, можно вообще, чтобы без лиц.

– А мы-то как? – Вот он детский психолог с ориентиром на семью.

– Вы меня и так не видите, – Как я уже говорил, я люблю свою семью. Однако свою жизнь я всегда видел где-то

отдельно, где-то совсем далеко. Эти мысли являются своего рода протестом, обозначением своей индивидуальности.

– От себя не убежишь. – Детский психолог всегда говорит размеренно, будто держит главные фразы про запас.

– Ань, я от себя не бегу, – разговор перестал быть детским. Предвижу его развитие. Начинаю злиться.

– И от Нее не убежишь. – Е-4. Убит. Думаю, вполне можно было начать разговор так: «Как у тебя жизнь-то, от Нее не убежишь».

– А вот от нее можно. Я не больной, но это правда ненормально. Отучусь на инструктора и уеду за границу, чтобы вообще без вариантов.

– И Интернет выключи, – проникновенно предложила Аня.

– Обязательно, – я встал, собравшись уходить.

– Seriously, если каждая твоя предыдущая была все лучше и лучше, то может и Она не Она? И впереди кто-то еще лучше?

– Мофжит быть! – сквозь зубы, на детский манер, пропел я, обрадованный таким предположением. – Только что там за принцесса тогда – даже представить не решаюсь. Ладно, Аня, поеду кредит платить, дай обниму.

– Так придешь вечером-то? – от сестры пахло детским молоком и шампунем с полынью. Такой родной запах для детей. И такой чуждый запах для моей, хоть и ленивой, но авантюрной души.

– Обещать не буду. Врать не хочу.

Забитый автомашинами, весенней грязью и хмурыми лицами город.

Паркуюсь за квартал до банка. Солнце пытается развеселить теплом. Слепит глаза. В такие моменты никуда уезжать, конечно, не хочется. Лень и энергетика общества будто нашептывают, что вполне приемлемую и спокойную, хорошую даже, жизнь можно прожить и так. Зарплата, работа с утра до ночи, вечером телевизор, в пятницу спорт-кафе, разговоры о несправедливости гей-парадов и расизма, с подозрительным взглядом на зашедшего выпить кавказца. В выходные на полусгнившую дачу, доставшуюся от родителей жены. Сын оболтус – надежда на светлое будущее и безбедную старость, стреляющий деньги на Ягуар. Но ведь скоро лето, прогулки, речка, костры и сосиски на шампурах! Все так живут, тебя-то, что не устраивает?

Все не устраивает. Нет, сосиски, речки, отпуска – все здорово! И в целом я люблю людей, но жить, как большинство, не хочу, как придется – тем более. Даже сам город мне чужой. Это странно, но, когда смотрю на здания, мне иногда кажется, что не должны они такими быть. Форма, расположение окон, кирпич, плиты, стекло, крыши эти. Абсурд. И люди. Даже не то, что они все устали от вечной гонки доминирования в социальной цепочке, семейных ссор, нехватки денег, давления начальства, грабительских цен в магазинах и лжи глав государства. Как они смотрят друг на друга. Страх,

зависть, презрение, постоянная оценка одежды, движений, слов. Не мое. Не мечтал я об этом. В прошлой жизни я был рожден где-то еще.

Банкомат. Привычные движения. Даже уже не обидно расставаться с половиной зарплаты – смирился. Бизнес прогорел, долги остались. Не сожалею. Я попробовал и сделал все что мог. Даже больше. Надеюсь, помогал людям и делал их жизнь лучше. Моя тоже лучше была в то время. Задумался.

– Трикитаити, – женский голос сзади. В нос ударил пьянящий аромат парфюма, свежий, весенний, игривый. В еще не до конца зажившей кисти дернулся нерв.

– Три кита, и что? – восхитительна. Сапожки со шнуровкой на среднем каблучке, черный приталенный плащ, платок на шее. Длинные светло-русые волосы, челка на бок. Аккуратные черты лица. Может на пару лет старше меня. Чуть ниже. Стройная.

– Ты скоро, говорю, – после моего невнятного вопроса девушка будто что-то поняла, одно ей понятное, ее зеленые глаза азартно сверкнули, и она расплылась в ослепительной улыбке.

– А. Да, – я немного опешил. – Да, проходите, я закончил, – я всегда так реагировал. Успел повидать массу прекрасных женщин, со многими имел честь общаться. Тесно. С некоторыми – очень. Пусть моя внешность отличается от стандартов красоты, но определенный успех у меня имелся. Но там где другой бы полез знакомиться, для меня – одной

красивой девушкой больше, одной меньше, реакция одна – сердце забито дебильной фантазией мазохиста, голова – идеалами Диснея, японского аниме и средневековых рыцарей. Когда не мое – вижу сразу. Когда мое – тоже. Много реже. Одним словом – неадекват.

– Ну, здорово! Мне, в общем-то, и не аппарат нужен! – все также широко улыбаясь, она весело взяла меня под руку, направляя к выходу. – Давай знакомиться! Угостишь меня кофе?

Глава III

Она шла рядом и сияла от счастья. Молча. А я старался оценить ситуацию. Это либо самый красивый Свидетель Иеговы, либо это самый красивый развод на деньги. Ну, или мобильник. В голове пролетела тысяча вариантов. Пушкино же. Попытался даже вспомнить всех однокурсниц и их подруг, может, забыл я, а меня помнят. Что не мудрено, свои студенческие годы помню смутно. Практически не учился. Философию любил, психологию, маркетинг. Работал на заводе, да барменом в местном бильярдном клубе. Такой вот экономист.

От девушки исходили тепло, уверенность и спокойствие. Она разглядывала крыши домов, жмурилась от солнца и бесконечно улыбалась, посматривая на меня. И ведет ведь, прям ведет в кафе. И я, главное, иду. Дурак-то.

Распахнулись стеклянные двери. Пропустил ее вперед, помог снять плащ, придвинул стул. Включился автоматический флирт. В кровь томным пульсом подмешали азарт. Она как-то по-новому окинула взглядом. Легкий кивок. «Галантный». Киваю в ответ. «Что желаете?» «Два капучино с ванильным сиропом».

– Девушка, если бы не ваша красота, расстались бы еще у банкомата, – улыбнулся. Склонил голову, любуясь ею. То-

ченная фитнес-клубами фигурка, крупная высокая грудь, подчеркнутая черным вязаным топом. На загорелом плече небольшой шрам. Боевая девушка. Закурила. Бордовая сигарета испустила сладкий цветочный аромат. В ларьке у нас таких не купишь. Игриво потеряла запястье с довольно большим, но изящным браслетом. Левая рука обтянута кожаной перчаткой.

– Ну, конечно! – стрельнула глазами. Бывает, девушки пытаются так соблазнить мужчин, думая, что легкая вульгарность заводит. На деле это выглядит так: она сидит вся на нервах, вся в ожидании своей победы, мол, когда ты уже поддашься, смотри какая я желанная и не смей не обращать внимания! Ощущение обычно складывается, будто вот-вот должен подойти амбал, схватить тебя за грудки и бросить на девушку. Тут, однако, случай был не тот. Она никуда не торопилась, не нервничала и вообще выглядела так, будто при виде меня у нее груз забот с плеч свалился. Она не проповедник и не промоутер. На жертву с таким интересом не смотрят. Почти влюбленными глазами.

– Чем обязан? – флирт в голове смешался с воспоминаниями о взгляде по-настоящему желанной женщины. Ласковой, теплой, никогда мне не принадлежавшей. Другой цвет глаз, цвет волос, другой возраст. Голос сорвался на легкую строгость.

– Извини! Это трудно объяснить, но я долго тебя искала! – ее защита дала трещину. Она смущенно хохотнула, изогнув

брови домиком. – Не пытайся вспомнить, ты меня не знаешь. Пока еще.

– Интересная ситуация. Я подумал, что сегодня меня отправят на органы, – принесли кофе. Потянулась пауза. Девушка с улыбкой изучала мое лицо. Становилось неловко. – Как тебя зовут?

– О! Эмм, Сэм!

– Эмм или Сэм?

– Сэм, Саманта, зови меня Сэм! – она протянула мне руку. Имею привычку не здороваться с женщинами за руку. Обычно целую. Либо руку, либо щеку. Но случай был неподходящий. Крепкая хватка для хрупкой девушки. Французский маникюр, кожа ухожена, но грубовата. Что за иностранный спецгент передо мной.

– Мое имя тебе, конечно же, известно. – Нет, она была чертовски хороша. Я фактически ощущал зависть присутствующих в кафе мужчин. Втянул живот. Все же надо, наконец, пойти в тренажерный зал.

– М-м, – она снова смутилась, поджала губы и мотнула головой.

– Саша, – сейчас доминировал я. А она сдавала экзамен. – Так что нас с тобой свело, Саманта?

– Саша, – повторила она в полголоса. – Какой сложный вопрос. Так много вариантов ответа. Что, если ты внебрачный сын королевской семьи, и меня отправили найти тебя?

– Не, слишком помпезно, – мое сознание успокоилось. –

Давай другое.

– Может, наша встреча описана в священных писаниях? – она отпила из чашки. Остались усики из молочной пенки.

– Маловероятно, коллега, – я немедленно скопировал себе усики и сделал выражение лица размышляющего профессора. – Разве что в камасутре? – флирт на грани, опасно, но люблю. Она прыснула от смеха. Стерли пенку.

– Тогда, вдруг, ты снился мне восемь последних лет, и тут я увидела тебя в толпе? – Это была атака. И я не враг. Я – трофей. Только сейчас заметил ее легкий акцент, но не смог даже предположить какой страны. Самант в наших краях не рожают, это понятно, но и известные акценты я мог определить на слух.

– Встречи во сне, даже самые приятные – не залог успеха счастья в жизни, – я опустил глаза. Сознание унесло в один из снов, к Ней, когда, не задавая никаких вопросов, я вдруг впервые услышал от Нее тихое «Да». Поцелуй в губы. Погладила по щеке. Заглянула в глаза. Что я вообще тут делаю?!

– Согласна, – голос Саманты привел меня в чувство. – Но ориентир из них не плохой, если в некоторой степени сойти с ума.

– Все в наше время в какой-то степени сумасшедшие. Такая уж жизнь.

– Тебя ничем не удивить?

– Все, чем можно было, уже полмира посмотрели в кинотеатрах. Ощущение, будто снимают не художественные

фильмы, а пособия «как быть, если вдруг конец света» или «если вдруг прилетят инопланетяне», беседа скатилась в философию. Почувствовал себя занудой. Всегда так чувствую. Если сейчас заскучает и уйдет – будет лучше для обоих.

– А что будет, Саш? Если инопланетяне? – она облокотилась на стол и придвинулась ко мне. – Сражаться с ними?

– Хех. Там, смотря какие прилетят. Я даже ждал, чтобы увезли меня, – улыбнулся своим мыслям. Вспомнил, как ребенком мечтал улететь в другие миры.

– Как мило! – Саманта мечтательно посмотрела в окно. Погода портилась. Небо затянуло серыми тучами, начинался сильный снегопад. Конец марта, чтоб его. В мире точно не все в порядке. – Ты любишь путешествовать?

– Очень, – вдруг разоткровенничался я. – Но, чтобы путешествовать, надо работать, чтобы было на что. Работая, не попутешествуешь. Да и одному скучновато. Хочу отучиться на инструктора по дайвингу и поехать по всему миру. Знакомиться с людьми, делиться знаниями, радовать и радоваться самому. Может даже жизни спасать. – И чтобы быть подальше от Тебя, чтобы уж если петлю на шею, то с шипами, раз не вышло быть с Тобой. – Но пока что дом, друзья, родители. Держит. Ну, знаешь как это.

– Нет. Не знаю, – она грустно взглянула в сторону. Снова на меня.

Легкая улыбка. – Я много путешествую. Эмм. Работа. Все почти как ты говоришь. Хочешь со мной? – глаза хитро

сверкнули.

– Узнаем друг друга получше, тогда – возможно. Смотри, что за работа, – крючок закусен, наживка съедена.

– Жизни спасти. – Небольшая гарнитура в ее ухе пару раз издала мелодичный звук и заморгала сиреневой лампочкой.

– Так уж и жизни?

– Иногда, – Саманта наигранно закатила глаза. Хохотнула. Встала из-за стола. – Мне нужно бежать. Позвони мне завтра в полдень, хорошо? – она написала на салфетке номер. – Прямой.

– Подвезти?

– Нет, сама, – поправила ворот плаща, – я очень рада, что встретила тебя сегодня. И с меня кофе!

Погладила по плечу, робко поцеловала в щеку. Исчезла под провожающие взгляды посетителей. Женщина – высший класс. 5-4-10-7. Надо побриться, что ли.

Глава IV

Домой пришел в смятении. Поставил чайник. Плюхнулся за компьютер. Магическое место, сев, не встанешь. Сначала отсутствие серьезных дел заманивает тебя сесть перед монитором. Потом монитор мешает заниматься серьезными делами. Вконтакте. Фейсбук. Два сайта знакомств с все также нестерпимо холодными и чужими лицами. Яндекс пробки. Вконтакте. Фейсбук. Ничего нового. Ее фотография в социальной сети. Осталась висеть в списках аудиозаписей друзей. И в друзьях-то уже нет. А тут висит. И восторгался, и удивлялся. И ругался с техподдержкой. Не мог только вопрос сформулировать, почему у меня девушка, которую я любил, до сих пор висит на страничке. Ответили: «Радоваться надо». Порадовался.

Опустил взгляд. Отказаться от такой. Нет. Это глупое объяснение, но только в ее глазах я видел наших детей, дом на берегу. Только с ней хотелось посюсюкаться, гладить волосы. Слово-то какое. Посюсюкаться. Тьфу. Чушь. Чушь и паранойя. Чертовы идеалы. Столько женщин могло быть, стоило только умолчать, притвориться, затихнуть. Соврать, в конце-то концов. Только один раз девушке удалось затмить Ее. На время. Думал, что ну наконец-то. Отмучался. Не тут-то было. Не сошлись характерами. Расстались. Прошло немного времени. И по новой.

Появилась онлайн. Рука дрогнула и закрыла страницу. Стало смешно. Не такие проблемы должен решать тридцатилетний мужчина. Пиликнула смс: пополните баланс. А вот таких вообще не должно быть. Ни семьи, ни денег, ни мозгов. Есть ли дно у этой пропасти? Куда бы уехать? Прошел на кухню. Мимо висящего в коридоре плаката с нарисованным мною же космическим роботом. Все, на что гожусь. Налил чай и уставился через окно на верхушки деревьев. В ногах мякнула сонная кошка.

– Ну что, Селина, хорошо нам с тобой вдвоем живется? – спасенная из мерзких лап пьяного охранника за 500 рублей кошка ласково пожмурилась, давая себя погладить. Хоть при мирном, но грустном расставании с последней пассией общая кошечка досталась мне.

Девушка ушла, кошка осталась.

Интересно, любит ли Саманта кошек? Саманта. Интрига ее сегодняшнего появления в моей жизни заставляла прикидывать варианты: зачем? Надо быть последним кретином или самовлюбленным дураком, чтобы считать, что я такой классный. Ежу понятно. Всевозможные денежные и материальные кидания уже произошли бы. Чья-нибудь подружка, подосланная меня компрометировать, уже бы выдала себя, такие аферы долго не играют. Но хороша. В голове настойчиво зазвенело: «Давай, мужик, у тебя год секса не было». Я из тех людей, которые считают, что если девушке все равно ничего кроме секса дать не захочется, то лучше и не скло-

нять. Ни обид, ни слез. Что-то мне подсказывает, что я мог бы и в единственном числе об этом сказать. Не суть. То ли это защитная реакция, то ли еще что. На это дамы и клюют, мол, какой верный, надо себе такого. До Нее никто не дотягивает. Обжигаются. Отступают. В остальном я обычный балагур, душа компании и отличный собеседник.

– Аллоэ! – завибрировал мобильник. Этот шуточный грубый голос не спутать.

– Арбуэ, Макс, привет. – Пауза. Но уже знаю, что скажет. Знаю, что скажу.

– Вот. Ну, так чего мы сегодня?

– Жду в гости, дорогой друг!

– Ну, мы сейчас, одеваемся! Заедем за Джоном с Катей и к тебе. – Сейчас – это около часа. Хотя Максиму, с его женой Женей ехать до меня минут десять. Люблю ребят. Когда они галдят, перебивая друг друга на повышенных тонах из-за недопонятой ерунды, мне почему-то всегда очень хорошо думается.

Поставил уголь для кальяна. Зажег свечку на кухне – наше место посиделок, прибрал кое-как диван. Звонок домофона. Две семейные пары на пороге. Вместе мы – команда. Все время шучу, что если бы у меня была девушка, в машину бы мы все вместе не влезли. Не понимают. Не понимают и ценят. Такого меня, такую несуществующую Ее. Недоумевают, как

вообще такое могло произойти. Сватают кого-то постоянно. Я старше их всех, но с тех пор, как я перестал высказывать свою точку зрения в спорах, поняв, что спорить в этой компании бесполезно, и давая людям высказаться, мне, кажется, ко мне стали относиться как к неполноценному. Не обижаюсь. Знаю, что любят. И часто слушают. Такая сторона жизни. Под предсказуемые споры о диетах и физической культуре меня бросило в размышления. На самом деле хочу ли я такой жизни, как сейчас. Вступить бы во французские наемные войска. Полететь в Антарктиду лет на пять. Или уехать откапывать недавно найденные пирамиды в восточной части России. Чтобы вся дурь из башки вылетела, чтобы, словно в юности, которую я упустил, пуститься в авантюру и не думать о поражениях и неудачах. Не страшно. Ее не стало, стало не страшно. Ни уходить глубоко под воду, ни подниматься высоко в небо. Умирать не страшно. Даже записался в проект по заселению Марса – билет в один конец. Даже ответили, жду продолжения диалога. Забавное чувство. Представить только, еще пока идешь в ракету, можно все бросить так или иначе и вернуться к обычной жизни. А под счет: «... Три, два, один, старт», умирать придется уже не на родной планете.

Вернуться к обычной жизни. Был бы шанс, обычной жизни бы не было.

Вечер пролетает незаметно. Настольная игра, веселые разговоры. Взрослые развлекаются. Каждый из четверых

пришедших обладает уникальными знаниями. Иногда, если беседа не скатывается к обсуждению компьютерных игр, можно узнать про интересные исторические данные, художественные стили Золотого Века, постановку захватывающих сцен в кино, изысканные манеры высшего общества. Молчу. С гордостью слушаю и улыбаюсь. Как же я далек от этого. Мне бы, пухленькому авантюристу, на необитаемый остров, нож, кокос, набедренную повязку и сдохнуть от отсутствия навыков.

Про Саманту говорить ничего пока не стал. Долго слушать не станут в лучшем случае. В худшем, расскажут, что это подозрительно и опасно. Самому известно. И не зачем лишний раз нервировать людей. Впрочем, я иногда излишне самоуверен. А вообще люблю говорить, когда уже все произошло. Купил машину, расстались, переехал в другую квартиру, ИП закрыл. Но проболтаться всегда подмывает. Встречусь с ней завтра.

Надо узнать, что к чему. Вопросы в лоб – мой конек. Редко, когда стесняюсь задавать. Просто это не всегда нужно. Повестка дня на завтра: «Сэм, какого хрена происходит?».

Глава V

Ленивое утро прорезал солнечный луч. Так или иначе, приближалась настоящая весна, и солнце теперь каждый раз прожигало мой сон. Ума не приложу, как повернуть кровь в своей маленькой квартирке, чтобы от этого избавиться. Тренировочные. Загудел кулер компьютера. Стакан воды. Чайник для кофе. Мозг спал. Новостная лента как всегда пустует смутными сенсационными заголовками. Тут скидки на перелет в Мексику. Там найдено неординарное решение в архитектуре – перевернули дом крышей вниз. Сенсация: у Максима Галкина нашли третий сосок на спине! Вот один из друзей по обыкновению пишет плаксивые прозы про неудавшуюся личную жизнь. Пара картинок.

Другой друг пропагандирует здоровый образ жизни, вечный онлайн соцсети. Ага. Несколько котиков, розовые комментарии. Красивая подруга выложила свой новый фотосет, и все те же девчачьи розовые комментарии. Ах, какая, да и аж вот какая, и мимими, и мое ты сокровище. И под каждой фотографией одно и то же. Интересно, ей самой это нравится? И я люблю всех этих людей. Но не за это.

Кофе. Надо кофе.

«Алло, Саманта? Да. Где и как сегодня? Что? Встретимся где? Там же? Хорошо, через два часа». – В голове все

было пусто. После рассудительного сна, ею, головой, было принято решение обозначить данную встречу, как мимолетную. Оставалось только повиноваться. Сделать все красиво, галантно. Чтобы девушка не почувствовала себя глупо или обиделась, если вдруг там у нее что-то серьезно. И можно продолжить свое жалкое существование, страдая от неразделенной любви, собственной лени и неуверенности в себе. Зато мечтать, мечтать, как полоумный. О лучших днях, об оплаченной на прошлой неделе поездке на дайвинг-сафари в Египет. Там не будет лени, не будет неуверенности, усталости, притихнет неразделенная любовь, хоть и вспомнится разок-другой за ужином на корабле. Но там будет определенность, стремления, четкая формулировка будущего. Перерывы между поездками на обучение убивают. Здесь ты никто, там – кандидат в инструктора, кандидат в правообладатели своей жизнью. Четыре часа перелета и ты в другой реальности. Может просто устал. Устал от серости грязной Москвы, от пробок, от начальства, от навязанных временем стереотипов, от безденежья, от откровенного бреда по телевизору и в Интернете, когда удивляешься «Боже, для кого все это?», и от хамства на улице устал. Еще Саманта эта.

Кофейня. Очередная чашка черного кофе. Солнце уже здорово печет через стекло, но на улице все равно холодно и слякоть.

– Прости, что опоздала! – неловкий поцелуй в щеку. Вид-

но, что немного нервничает. Вчера этого не было. Волосы собраны в хвост, обнажая изящную шею. – Как настроение?

– Да все нормально. Нормально, да, – делаю безмятежный вид. Отметил про себя ее вопрос. Не безучастное «Как дела?» Конкретное «настроение». – Настроение хорошо. Ты пришла, стало вообще отлично!

– Долго ждал?

– А? Нет, я не к этому, – широко улыбнулся. Улыбнулась в ответ.

– Флиртуешь? – весело произнесла, чуть запнувшись. В голове у нее определенно были вопросы ко мне или посторонние темы для изложения. – У тебя есть девушка? – долго тянуть она не стала.

– Во как! – я поднял бровь. Люблю вопросы в лоб. Честный бой. – Знаешь, как раз хотел поговорить об этом. Нет, девушки нет.

– Но?

– Но связывать нас ничего не может. Провести хорошо выходные, ночь. Но что-то большее, вряд ли. Скажем так, есть пассия. Это сложно объяснить, – я старался быть максимально откровенным, пытаюсь не упустить ни одного из вариантов.

– Во как! – вторила она. – Есть пассия и так пялишься мне на грудь? А ты засранец! Выходные провести! – она хохотнула и, прикрыв губы рукой, отвернулась кокну. Посмотрела искоса веселыми зелеными глазами. Снова перчатка на

левой руке.

– Ты очень хороша, а я холостяк, к тому же сама на меня пялишься. А пассия. Скажем так, давняя и односторонняя. Но я про нее предпочел сказать в первую очередь, – я смутился, но не отступил. – Все есть, как есть. Пассия.

– Согласна! – Саманта игриво поморщила носик. – Секреты есть у всех.

– Ты мне о своем не расскажешь?

– Что тебя интересует? – притворяясь, стала меня внимательно слушать.

– Да как-то все наше знакомство странно происходит! – я чуть развел руками и глупо скривил улыбку. В голове стучало: «Какого хрена?» и «Ладно, допустим. Что дальше?» Поймал себя на мысли, что заранее на все согласен.

– А как должно было? – она будто издевалась. Ненавижу ходить да около. Кровь вскипала.

– Слушай! Взять меня вчера под руку, привести в кафе, назначить свидание сегодня – это ладно. Это романтично, безбашенно и по-весеннему, спору нет, – я начинал говорить громко, в середине разговора ее улыбки, игра, ужимки были неуместны. А я хотел знать, что такой дорого ухоженной красотке от меня надо.

– Саш! – она набрала воздух в легкие, бросила быстрый смущенный взгляд на посетителя за стойкой бара. Словно извинилась, что ее собеседник начал поднимать голос.

Священные писания, сны, путешествия, спасение жиз-

ни! – мне было не жалко так говорить сейчас. Хватало своих проблем. Уйдет – не страшно. Было бы все здорово, если бы вчерашний разговор не был полон пустых загадок.

– Саша! – громким шепотом повторила она. Снова вздохнула, подняла красивые глаза на потолок, посмотрела в окно. – Я твоя сестра.

Глава VI

Старое правило бильярда: неудобно – не бей.

Не задавай вопросов, на которые не хочешь знать ответ. Не разгадывай загадок, если знаешь, что тебя это расстроит. Не смотри на то, что не нравится. Не читай, если напрягает. И пытайся, Бога ради, пытайся предвидеть все на свете, все, что угодно, самые невероятные и кажущиеся абсурдными варианты. Мозг человека, впрочем, как и весь организм, удивительное творение. Когда ты встречаешь что-то, чего никогда не было, мозг включает защитную реакцию. Дает тебе наиболее приемлемое объяснение из уже имеющихся. Даже достраивает, дорисовывает. Ребенок не различает – обжегся он или укололся. Ему просто больно. Чем старше становишься, тем комплекснее становятся варианты. Какой меньше всего травмирует психику, тот и диктуется сознанию. «Шутка». «Глупый розыгрыш». Поэтому сначала никаких эмоций не проявляется. Но потом внешний раздражитель начинает подкидывать причины, почему тот или иной вариант не подходит. И мозг снова ищет. Заглянул в ее глаза. Сама испугалась того, что сказала. Взрослая женщина. Поджала губы, опустила взгляд. Мнет ни в чем не повинную салфетку. Она не шутила.

– Правда? – молча закивала головой. Не договаривает. Допустим – правда. Подмена в роддоме? Одна мать? Один

отец? Мозг все искал. Отсюда и ощущение, будто тебя огрели тупым предметом по макушке. – Отец изменял моей макушке с твоей мамой?

– Нет, это произойти не могло. С моей точно не изменял. Извини.

– Полегче. Что тогда? Искусственное оплодотворение?

– М-м, – мотнула головой. Хвост, словно беличий, затрепыхал в воздухе. Мозг заклинило. Информации о строе этой жизни сейчас явно не хватало. Варианты кончились. Я видел, чувствовал, как угодно, что мне не врут. Оставалось слушать правду.

– Как же тогда? – Я усмехнулся.

– Представь себе, что существует некий, назовем это артефактом, артефакт. – Она потеряла нос и, собравшись с мыслями, пододвинулась ближе ко мне, чтобы говорить тише. – Он позволяет точно копировать душу новорожденного и помещать ее в другого новорожденного.

– Душу.

– Подожди, сейчас еще раз попробую. – Доступно объяснять мне такие вещи давалось ей тяжело. – Электрическую матрицу? Да, электрическую матрицу, которая отвечает за то, как расположатся атомы тела существа, когда оно вырастет, логику мыслей, чувств. Фактически копирует... судьбу что ли?

– Круто. – Мозг вернулся к варианту «шутка».

– Наверное. – Я даже сам не сообразил, поняла она мое

последнее слово или нет.

– Насколько мне известно, в этой параллельной вселенной, на нашей планете такой хрени не существует, – сложил руки на груди и откинулся на стуле. Позвал официанта. – Еще два кофе, пожалуйста.

– Да-а. – Она постучала указательными пальцами друг об друга, скривила рот. – И-и это подводит наш разговор к еще более сложной вещи, чем я уже сказала. Эта...хрень...вот она не на этой планете.

– Круто, – тупо повторил я. Мозг уже был уверен в своих догадках и мигал красными лампочками. «Шутка!» – Ты соответственно тоже. Как, собственно, и я.

– В той или иной степени.

– Ответь мне, пожалуйста, я что, совсем придурок? – я не был зол, по большому счету мне было даже забавно. Принесли кофе. Две чашки в середину стола. Официант очень удивленно окинул меня взглядом, совсем не замечая Саманту. Уходя, обернулся. Наверное, подумал, что последние слова я адресовал ему.

– Сядь спиной к залу. – Я удивился просьбе, но сел. – Дай руку.

Когда такие вещи происходят, долго не знаешь, как реагировать. А когда придумываешь как, уже и поздно становится. Просто подбородок на стол падает. Саманта быстро сняла перчатку с левой руки и схватила ею меня за запястье.

На тыльной стороне ладони я увидел небольшой кружок в металлической оправе с маленькими дырочками по сторонам, словно выросший в кисть. Он тускло пульсировал голубым светом. Классная игрушка, эффектная и качественная, если бы не одно «но». Из нее вдруг поползла густая черная жидкость, обволакивая ладонь и пальцы, стала затвердевать турмалиновыми кристаллами и превращать руку Саманты в подобие рыцарской перчатки. Стало жарко. Пригодились десятки часов фантастических фильмов.

– Полный макияж я тебе еще покажу как-нибудь, – Сэм отпустила мою руку. «Броня» с ее кожи расколовшись, осыпалась сначала кусками в пыль, а потом и вовсе растворилась легкой дымкой и запахом сгоревшей спички. – Очень не хотела долго объяснять. Курс по квантовой биологии я тебе тоже прочту. Потом, – она больше не казалась мне ухоженной фифой. Последние слова она как раз произнесла тоном старшей сестры. Для глупого, несмышленного младшего брата.

– Допустим. – Выход из кафе был у меня за спиной, но сейчас я уже не смог бы им воспользоваться. Мозг убедился в том, что существует что-то, а может, и куча всего, чего он еще не знает. И потребовал объяснений. Я врос в кресло. – Вот эта хрень точно не существует на нашей планете.

Это не доказывает нашего родства, но аргумент серьезный, – я замолчал. Сел обратно, напротив Саманты. Шансы того, что она говорила правду, существенно подскочили.

– Ты в порядке? – нетерпения в ее голосе стало меньше.

– Дай подумать, – размышляя, начал я. – Дыхание в норме. Сердце стучит, увечий нет. Опасности вроде нет. Ведь нет?

– Пока нет, – рассмеялась она.

– Так что за артефакт такой чудесный?

– Он использовался как орудие ссылки. Провинившегося транспонировали и отстреливали, ну опять же, не знаю, как лучше сказать, душу, сюда на Землю.

– Чем же вам всем Земля-то не угодила?! – я всплеснул руками. Не знаю, кажется, сейчас в моей голове ничего и не обрабатывалось. Просто складировалось. Все эти фильмы, игры, книги, детское увлечение космосом – все сказывалось положительно на усвоение информации. Но какого черта в тридцать лет? Где она была со всеми ее штуками из рук, когда я невинным ребенком так ее ждал и рисовал на школьных переменах в конце тетради?

– Вроде как это запрещенная планета. Тюрьма. Сюда ссылали, так и формировалось развитие человечества здесь.

– То есть вырос человек с душой инопланетянина и изобрел колесо, потому что вроде как уже обладал этими знаниями?

– Я верю, что до колеса вы сами додумались. Но в целом да, скорее всего, так и было.

– Земля изгнанников, – когда-то я писал неплохие сочинения на свободную тему. Подобное потянуло бы на почетную грамоту. – Ну да ладно, выходит, меня младенцем так

отстрелили сюда, и я попал, куда я там попал? Во чрево моей матушки?

– Скорее всего. Я не знаю точно, как эта штука работает. Мой... наш отец был ученым, он исследовал артефакт, какое-то время его активно использовало правительство, потом его запретили и отдали на исследование. А матушка была истеричкой, помешанной на оккультизме. Поэтому, когда на ученых напали, она вынудила отца сохранить детей любым способом. Даже таким зверским. Убить их там и оживить здесь.

– Детей?

– У тебя есть брат.

– Ну, охренеть!

– И еще одна сестра.

Глава VII

– Дважды.

– Что «дважды»?

– Охренеть дважды. Хотя, по сути, если у меня есть одна инопланетная сестра, то почему бы не быть и второй?

– И брату.

– И брату... – мозг обрадовался, найдя самое простое и логическое заключение, – я свихнулся.

– Проблема как раз в этом. Мелиса придет за тобой. И либо заберет тебя с собой, либо убьет. – Саманта говорила проникновенно, как если бы извинялась за то, что мне ничего не понятно, но мне необходимо было в это верить. Так оно и было.

– Мелиса?

– Да.

– Еще одна сестра?

– Да. – Я вопросительно поднял бровь, требуя продолжения легенды. – А, ну. Когда родители умерли, мне было двенадцать, ей восемь. Вам по два месяца. Мы жили на исследовательской станции на Бастере-6, папа с мамой исследовали это устройство. За полгода до нападения незаконников на станцию меня отправили домой к дяде Ридли – учиться. Родителей я больше не видела. Мелиса выжила, получила увечья, год жила в стае местного дикого народа. Ее считали по-

гибшей. Потом нашли. И была-то дурным ребенком, а так вообще с катушек слетела. – Сэм прикусила губу, сдерживая гнев. Сестры-то не ладили. – Восемь лет назад я узнала... мы с Мелиссой узнали, что у нас есть братья. Вот нашли. Я – тебя, она – его.

– Хорошо. А убьет-то меня почему? – действие повествования разворачивалось в неопределенном мире, с незнакомыми еще мне людьми. Я был спокоен. Я все еще сидел в сером Пушкино,пил привычный кофе.

– Саш, вот тот фокус с рукой. Там, вне этой планеты, тоже штука нераспространенная. Ваши ученые еще только начинают экспериментировать с ферромагнитными жидкостями, когда атомы вещества выстраиваются тем или иным образом благодаря электромагнитному излучению. Ну что у вас там? Елочки, ежички, змейки в лабораторной миске. Крутятся, вертятся. А это изобретение отца, – она отогнула перчатку. Снова показала устройство в руке. – Реактор холодного синтеза, работает на минерале «каледоний», довольно распространенная вещь, дающая большое количество энергии для деления наночастиц ферромагнитной жидкости и дальнейших операций с ней. Чтобы выстроить наночастицы в нужном порядке, в нашем случае это своего рода костюм, броня, необходимо влияние очень тонко настроенного электромагнитного поля.

– У меня сейчас башка вскипит, – уверил я.

– Хорошо. Я быстро, – она сделала уступающий знак рука-

ми. – Отец экспериментировал со своим электромагнитным полем. Если изучать вопрос глубже, но говорить проще – душой. У него работало. У меня работает. У Мелиссы. Больше ни у кого. Уверена, будет работать у тебя и у твоего брата. Есть основания полагать, что пока никто не разобрался, какой именно аспект электромагнитного поля используется как интерфейс программирования наноферритов, работать будет только у нас четверых. Ну. Пока случайно не найдут, что уж в нас такого особенного.

– Трижды.

– Что «трижды»? – недоуменно моргнула.

– Охренеть трижды. – Я показал три пальца для убедительности. – Все это хрень. Но, опять же, допустим. Вернемся к бытовым вопросам – почему убьет-то?

– Потому что ты добрый. А она нет. Потому что мы с ней враги. И ты в этой войне либо преимущество, либо угроза. Прости. Все действительно настолько безысходно. Ты жил и не видел, не мог чисто физически, как колесики жизни крутятся, сводя множество героев пьесы на одну сцену.

– Поэтично, – нахмурился. – Значит, ты предлагаешь мне улететь с тобой, тю-тю? Туда? В космос? Типа...

– Да. Будем говорить откровенно.

– Давай откровенно. Ты пришла не за своим братом, а за особенностью, позволяющей мне носить этот кусок камня.

– Хм, – она помрачнела и стала выискивать ответ в моих глазах. Часто заморгала. Вздернула руки. Закивала голо-

вой. – Да, в какой-то степени.

– Значит, либо я иду с тобой, либо ты тоже меня убьешь, – я говорил спокойно. Во-первых, я все еще был в чертовом Пушкино. Во-вторых, все происходящее было в принципе объективно, настолько улетно, что захватывало дух. В-третьих, эпично умереть – это нормально. Жаль только, что самолет в Шарм-эль-шейх полетит без меня. И родителей. У остальных жизнь своя. Трагично, но справятся. В конце концов, что я могу сделать?

– Не совсем. Либо ты летишь со мной, и мы делаем твою пресную жизнь лучше, увлекательней! Яркой, полной приключений и опасности! Либо ты остаешься, дожидаясь встречи с моей шибанутой сестрой, и вот она уже тебя убьет. Да вот прямо тут. И бармена еще. Слишком лицо смазливое, – Саманта разошлась. Ее инопланетный акцент сейчас даже смешил. – Но ты полетишь со мной.

– Откуда такая уверенность?

– А со мной классно! – весело подмигнула она.

Глава VIII

Остаток дня. Вечер. На раздумья. Вбила в навигатор автомобиля место, куда надо приехать. Спросил, брать ли гитару. Шутку не поняла. Обещала постараться вернуться через год, если полечу. Дешевая уловка. Билет в один конец. Когда разговаривал с ней, в голове все было ясно.

Пришел домой, взял на руки кошку. Затряслись колени. Причин поверить во весь этот бред и лететь было предостаточно. Стать лучше, крепче, интереснее, приблизиться к мечте, доказать что-то себе, доказать, что я могу, что я вот такой, а все остальные нет. И это не просто путешествие, а путешествие к звездам, путешествие к своему собственному благополучию. Вот где жизнь, вот где азарт, смысл, реализация детских фантазий, истоки, истина! Но... чертовы «но»! Не слишком ли поздно? К тридцати годам «но» становится слишком много! Сбросить бы все, освободиться, улететь! Общество осудит. Родители умрут с горя. Друзья не поймут. Да и самое главное. Как бы ни выпендривалось сознание: «От Нее подальше! Куда глаза глядят», «Не поймет, не оценит, Ей плевать и мне плевать», все это чистой воды детский лепет. Лучше быть хотелось в Ее глазах, интереснее для Нее, и доказывать хотелось не себе, а Ей, и путешествие рядом с Ней, да и не Она ли была мечтой? И что будут значить все мои поползновения, если я буду суперменом где-то там, а не

здесь? Если вырастившие меня родители не смогут гордиться, друзья не поднимут стаканчик за успех. И кошка. Кошка будет тосковать. В носу засвербело. Стало страшно. И горько. Сознание одинокой песчинкой перекатывало из верхней чаши песочных часов в нижнюю, и сейчас застряло посередине, в самом узком месте. Тут было все известно, запланировано, даже риски можно было предугадать. Тут были родные люди, определенные успехи, вполне решаемые проблемы. По сути, глядя на весь расклад жизни в таком свете, можно было сказать, что я счастливчик. Но обстоятельство оставалось. А там? Что там? Совсем скоро придется решить свою судьбу.

Поставил разгораться уголь. Табак – красный виноград. Красивый дым разошелся приятным ароматом по кухне. Плюхнулся на диван, укутался в плед, как ребенок обнял подушку, сшитую и оставленную бывшей девушкой. Покоритель галактик, твою ж ты за ногу. Все у тебя, придурок, было отлично! Куда ты все гонишься за идиотической мечтой?

Ну, у всех есть, все гонятся, но не такими же аппетитами! Очнись!

И черта-с два я поверил про угрозу смерти от какой-то там Мелиссы. Не это меня гонит туда, с этой полоумной. Азарт, авантюра, желание проверить себя на прочность, вдруг все не так плохо? Но ведь все совсем не, как в кино, где главный герой юный мальчик-сирота, стеснительный одиночка, не успевший вкусить любви, а там, в заоблачных далях, его

ждут победы над вселенским злом, признание жителей королевства и сердце принцессы. В моих заоблачных далях меня никто не ждал, ничье признание мне не грозило. Никаких смягчающих обстоятельств. Я терял все и сразу, всю свою жизнь, близких людей, какие-то, пусть нелепые, но надежды. За спиной оставались только горе, обиды, разгневанные бес-силием крики: «Удачи!», сжатые до посинения кулаки и слезы. Море слез. Взгляд помутнел. Голова распухла от притока крови. В висках стучало. Хлюпнул носом. Двадцать девять лет. Жалок.

На часах полночь. В руке письмо маме и отцу. Уверяю, что все хорошо, что так для меня лучше, что люблю, что прошу прощения, что обязательно вернусь, если смогу, еще раз, что люблю, еще раз, что молю прощения и понимания. Зачем-то пароль к кредитке. Солёные щеки, влажные глаза. Стиснул зубы. Последний раз ткнул носом в живот спящей кошке.

Ключ в зажигание. Пустое шоссе глубже в Подмоскowie. Словно под гипнозом. Тот новый мир начинает перетягивать на свою сторону, повышая адреналин, анестезируя страх, жалость, здравый смысл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.